

**МЕФДИЙ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Месть валькирий

Тайная магия Депресняка

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для тёмного стража

Лестница в Эдем

Карта хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные Врата

Книга Семи Дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

Д М И Т Р И Й Е М Е Ц

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

КНИГА СЕМИ ДОРОГ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Владимира Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Книга Семи Дорог / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2021. — 432 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-04-089947-0

Когда-то сильные маги создали свой собственный идеальный мир — Книгу Семи Дорог, — в который вложили свои эйдосы. Обитая в новом мире, маги имели неуязвимость и неограниченные возможности. Чтобы продлевать такое существование, им нужно завлечь в свой мир новые души. Прожив долгое время в Книге, маги любого воспринимают недругом. Лигул возложил на Книгу немалые надежды. Бывшие ученики мрака — Мошкин и Чимоданов, Мефодий с Дафной и Шилов с Прасковьей, а также Варвара — должны попасть в Книгу и сразиться друг с другом, по задумке Лигула.

В это время Смерть, уставшая от рабочих обязанностей Аида Плаховна, подыскивает себе преемницу. На эту роль она присмотрела Ирку. Но что на это скажет бывшая валькирия?

**УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Емец Д., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-089947-0

Препятствий не миновать, но имея в себе опору, он, хоть с трудом, преодолел бы их. Побудь он весь день в этом преодолении, на другой день они оказались бы гораздо менее чувствительными, а на третий — еще меньше.

*Преподобный
Никодим Святогорец*

В сущности, чтобы прослыть глупым, достаточно просто быть злобным.

Троил

Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая не даром приходила и тревожила воображение.

*А. П. Чехов, из письма
к А. С. Суворину*

Глава 1

ПЛАЧУЩИЙ ПАКЕТ

Всем людям очень тяжело. Они устают от слабостей друг друга, несовершенств, ошибок, истерик, непредсказуемого поведения. Безумно хочется просто повернуться спиной и уйти на все четыре стороны, подальше от окружающих. В той же мере и другие люди устают от нас, якобы мягких и пушистых, а на самом деле колючих и противных. Надо терпеть и беречь друг друга, не думая о себе. Другого выхода попросту нет, иначе сумма общей боли будет с каждым годом возрастать, пока не станет критической.

Ирка, дневниковые записи

Праворульный японский микроавтобус стоял перед окнами. Матвей спал на заднем сиденье. К Баба-не он не пошел, заявив, что не хочет передозировать общение. Лучше немного недообщаться, чем переобщаться. Чем дольше отношения развиваются, тем на

дольше их потом хватает. Особенно с родственниками девушки, которые до последнего момента остаются кем-то вроде дружелюбно настроенных врагов.

Ирка сидела на кухне у Бабани и качала ногой — дерзкой, танцевальной, смуглой, с прекрасно прокачанными мышцами голени. Она не собиралась больше скрываться и дурачить Бабаню инвалидными призраками в колясках, выгребая потом из-под стола мумифицировавшиеся бутербродики. В конце концов, валькирией она больше не была и смерть Бабане не грозила.

На то, чтобы Бабаня восприняла ее выздоровление без разрыва сердца, потребовались все силы Эссиорха. Но и сейчас она по привычке вскакивала, чтобы поддержать Ирку, когда та начинала вставать, и пугливо порывалась показать внучку каким-то докторам — для «закрепления успеха».

— Это все Эмиль Исаич! Кудесник! Руки бы ему расцеловала! — восклицала Бабаня, за отсутствием волосатых рук Эмиля Исаича целуя свои собственные, с глубоким отпечатком швейных ножниц на среднем пальце.

— Исаич — это который шерстью дохлого енота лечит? Сто долларов сеанс? — неосторожно ляпнула Ирка.

Бабаня поджала губы:

— Не шерстью дохлого енота, а лечением биотоками с электронейростимуляцией! Шерсть енота — идеальный проводник.

— Устаревшие сведения! Идеальный проводник — Иван Сусанин.

— Ира!!!

— А твой Исаич батарейкой по позвоночнику водит и бормочет не то мантры, не то стишки своего дедушки! И слюни его на спину капают!.. Матвей обещал, что возьмет туалетный ершик и вылечит Эмиля Исаича от слюнотечения. Триста долларов сеанс — и тот здоровехонек!

— Матвей? Уж этот-то, конечно, все знает!

Бабаня быстро, как птица, взглянула на блестящую крышу микроавтобуса, и Ирка пожалела, что подставила Матвея. Ей-то Бабаня простит, а на Багрова отложит теперь компромат в копилочку. И не надо думать, что у хороших людей их нет. Просто туда больше мелочи помещается.

— Ты злая и неблагодарная! Врачи в тебя вкладывали свои навыки, поставили тебя на ноги, а тебе плевать! — Лицо Бабани перечеркнули две складки, и рот на секунду стал похож на букву Н.

Ирка с грустью подумала, что борьба с ее болезнью стала центром Бабаниной жизни. Болезнь ушла — и цель исчезла. Сколько еще пройдет времени, прежде чем бабушка и внучка сумеют выстроить новые отношения? И на сколько уступок придется обеим пойти?

Бабаня барабанила ногтями по столу. Ей хотелось к чему-нибудь придраться.

— Ты яблоко мыла? — внезапно спросила она.

— Мыла!

— Видела я, как ты мыла. Просто микробов попоила!

— Ну я пошла, — сказала Ирка грустно.

Бабаня спохватилась, что нельзя расставаться в ссоре. Засуетилась, вскочила:

Дмитрий Емец

— Ой! Я много хлеба купила! Возьмешь один батон? И курицу захвати — вчера вечером сварила... В чем бы тебе ее дать? В тарелке довезете?

— Не, бульон прольется.

— Ну хорошо, берите с кастрюлей! Только верните потом! *Этот* никогда ничего не возвращает. Скоро буду в раковине себе еду готовить. Кипятильником.

— Почему сразу *«этот»*?! — возмутилась Ирка.

— Ну прости, прости! Иди, я тебя поцелую!..

Бабаня попыталась обнять Ирку, но ей мешала кастрюля. Ирка приподняла руки и попыталась втиснуть Бабаню между собой и кастрюлей.

— Ты что, ку-ку?! Мне в этой кофте на работу идти! Топай давай! — возмутилась Бабаня.

Ирка спускалась по лестнице, а Бабаня сверху испуганно смотрела на ее сильные ноги и, наклонившись вперед, шевелила руками, готовая броситься на помощь, если Ирка начнет терять равновесие.

* * *

Автобус стоял все там же под окнами. Спереди кто-то припарковался, и Ирке пришлось обходить его сзади. Мало-помалу Матвей набирался опыта вождения. Летом знак «У» на заднем стекле машины выгорел на солнце, и Ирка фломастером переделала его в детскую рожицу.

— Ты в курсе, что он означает? — поинтересовался тогда Багров.

Ирка выронила фломастер. Она вообще-то не вкладывала в эту рожицу никакого смысла.

— Сколько у нас детей родится? Пять? Шесть? — продолжал Матвей.

— Не знаю, — испуганно сказала Ирка. От неожиданности «не знаю» прозвучало как «нэаю».

Сейчас руки у Ирки были заняты кастрюлей, и в стекло машины она постучала лбом.

— Отпустила? — спросил Багров, открывая двери.

— Угум.

— Мне кажется, когда мне будет шестьдесят лет, я застрелюсь. Дальше жизни нет! — заявил Матвей.

Ирка что-то промычала, мельком прикинув, в каком году родился сам Багров. Иногда при подсчетах у нее получалось, что, не попади Багров к волхву, он мог бы стать отцом Льва Толстого и шлепать его на коленке, приговаривая: «Два романа у тебя хороших, а третий слабенький!» Матвей понял ее мычание по-своему:

— Ой, прости! Я не подумал. А Бабане сколько?

— Понятия не имею.

— Не знаешь, сколько лет твоей бабушке?

— Она не бабушка, а Бабаня! — ответила Ирка голосом, закрываящим тему.

Багров почувствовал интонацию и об этом больше не говорил. Всю дорогу он ругал дураков, которым не сидится дома и которым обязательно надо всунуть свою тушку в машину, чтобы купить в магазине три пельменя. Увлечшись критикой, Матвей пропустил разворот, стал мудрить, сдуру повернул на узкую, забитую автомобилями улицу и из-за произошедшей впереди аварии застрял там на полтора часа.

Дмитрий Емец

— Слушай, мы бы пешком быстрее дошли, — вздохнула Ирка.

— Ага! С курицей! — усмехнулся Матвей, и опять получилось, что он кругом прав, а Бабаня виновата.

Ирка отстегнулась и перелезла на заднее сиденье, радуясь, что ноутбук с собой. Иной раз она могла выйти из дома наспех одетая, свернув нерасчесанные волосы небрежным пучком, но никогда — без рунки и ноутбука. Они составляли две стороны ее «Я».

— Как-то плохо вышло сегодня с Бабаней. Я точно дежурство отбывала, а ее не обманешь, — сказала она покаянно.

— А? — невнимательно откликнулся Матвей.

— Сам ты «а»! Моя проблема в том, что я плохо соблюдаю обряды вежливости. Ответные звонки, переписка, приглашение в гости. То бываю слишком радостной и болтливой, то надолго исчезаю. Люди не могут поймать мой ритм, считают, что я зазналась, потеряла к ним интерес или обиделась.

— А ты соблюдай их лучше.

— Тогда у меня не останется времени думать и читать. Я взвою, и будет еще хуже. Если я не смогу быть собой, то и кем-то другим тоже не буду! — заявила Ирка, капризно дернула ногой и ойкнула, обо что-то ударившись большим пальцем.

Рунка наискось лежала на полу машины, занимая все пространство от переднего пассажирского кресла и чуть ли не до заднего бампера. Если Мрак нападет внезапно, достать ее будет проблематично: придется вылезать из

автобуса, открывать багажник, вытаскивать канистры и поднимать третий ряд сидений.

Прежде чем включить ноутбук, Ирка озабоченно потрогала пальцем треснувшие петли крышки — самое уязвимое место, не считая клавиатуры, на которую она так любит проливать кофе. Потом нажала на кнопку. «Окна» загрузились, и вот он — ее любимый «рабочий стол», заваленный книгами, фильмами, музыкой так, что памяти давно не хватает, а стирать что-либо жалко. Есть и заветная папка с файлами, куда Ирка записывает свои мысли. Она покосилась на спину Багрова, но тот весь ушел в критику чистого разума двух баранов, которые не смогли разъехаться.

В заветную папку Ирка заглядывала нечасто. Обычно утром, когда голова свежа и не израсходована. Опыт множества ошибок научил ее, что творческую энергию нельзя разбрызгивать. Накапливается она медленно: капельками фраз, дуновениями мысли, краткими прозрениями. Стоит человеку не вовремя выйти в Интернет или поболтать по телефону с приятелем — он выплеснет себя, опустошит, на несколько часов сделается ни на что не годным. А сколько таких отвлечений у пишущего человека!

Ирка гладила кончиками пальцев клавиатуру, ощущая молчаливую силу букв, готовых взорваться и отвердеть словами. Жизнь она воспринимала через призму слов, причем написанных. Только им и верила — ей важно было записать в дневнике «я счастлива» — и тогда она осознавала, что так оно и есть. Отними у нее возмож-

Дмитрий Емец

ность писать — и девушка ощутила бы себя несчастной даже в Эдемском саду.

Ирка касалась клавиш, но осторожно, дразняще, так, что контакт не срабатывал и буква не отпечатывалась. Нет, сейчас она писать не будет, только читать! Ирка открыла файл с дневником. Грамотность у нее стопроцентная. С ошибками она пишет лишь некоторые слова, когда это доставляет удовольствие. «Йурист», «блашь» и другие, к которым у нее особое отношение.

Из дневника

Сегодня у меня мерзопакостное настроение. Никого не хочу видеть и слышать, ни с кем не хочу общаться! Написала об этом в «Твиттере», «ВКонтакте», в ЖЖ, выложились в «Фейсбуке» и теперь проверяю, напишут мне какие-нибудь комментарии или нет.

* * *

Я думаю, очень немногие люди умеют говорить правду себе и другим. Это не о лжи. Не лгут многие, а вот говорить правду не способен почти никто. Остальных моментально заносит в ханжество, в позу, в какую-то дутую сериальную болтовню.

Сложнее всего воспитать человека людям. Остальное, в сравнении с этим, мелочи.

* * *

Природа гения в универсальности затрагиваемых его творчеством проблем. Гений, как колокол, отзывается в каждом. Ему все помогают, причем некоторые делают

это неосознанно, пытаясь помешать. Часто гений как человек совсем неумен или умен очень в меру. Ему это не нужно. Зато он безмерно правдив и не искажает книгу. Мы врем сами себе, а гений нет, поэтому мы к нему и приникаем.

* * *

Мне сложно выразить, что такое мысль Шмелева или мысль Куприна, но я ощущаю, что вот она — цельная, монолитная, слившаяся с личностью автора. Глыбообразность Толстого, веселое уныние Чехова, горение Достоевского или щебечущие кружева Тургенева. Всякий писатель (художник, композитор) — человек одной мысли. Она доминантой проходит через все творчество, через все поступки, через личность. Именно откликаясь на нее, мы любим одних и равнодушны к другим.

А вообще к книгам я принимаюсь, как кошка к новой еде. Долго, недоверчиво. Отхожу, подхожу, снова отхожу. И только убедившись, что это то, что нужно, начинаю жадно, быстро и неразборчиво заглатывать! Жаль, что Матвей не книга. Я могла бы его читать!!!

* * *

Зашли с Матвеем в супермаркет за батоном хлеба. Обратно еле доперлись. Скидки — это когда ты покупаешь вагон ерунды, о существовании которой в другой ситуации вообще никогда бы не вспомнил.

